

А. А.
БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

Сочинения

Александр Бестужев-Марлинский

Роман в семи письмах

«Public Domain»

1823

Бестужев-Марлинский А. А.

Роман в семи письмах / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain», 1823

ISBN 978-5-457-31789-5

«Ах, как она мила, Жорж, как она мила! Я уверен, что, если б ты увидел очаровательницу Адель в ее кабинете, где и зимой раскинулись цветники, где всякая безделка льстит глазу и заговаривает воображению; когда б ты взглянул на нее, одетую в легкое платье, окруженную благовонного розовою атмосферою, веющею с кассолета: ты бы назвал ее воздушною полубогинею Пери, порхающею в испарении цветов; и каждое ее слово — поэзия, каждый взор облечен в мысль. Не шутя, любезный друг, я боюсь, чтобы твое предсказание не сбылось, то есть чтобы мне не влюбиться в самом деле...»

ISBN 978-5-457-31789-5

© Бестужев-Марлинский А. А., 1823
© Public Domain, 1823

Содержание

Письмо первое	5
Письмо второе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Роман в семи письмах

I had a dream that was not all a dream.¹
Byron

Письмо первое

Ах, как она мила, Жорж, как она мила! Я уверен, что, если б ты увидел очаровательницу Адель в ее кабинете, где и зимой раскинулись цветники, где всякая безделка льстит глазу и заговаривает воображению; когда б ты взглянул на нее, одетую в легкое платье, окруженную благовонною розовою атмосферою, веющею с кассолета: ты бы назвал ее воздушною полубогинею Пери, порхающею в испарении цветов; и каждое ее слово – поэзия, каждый взор облечен в мысль. Не шутя, любезный друг, я боюсь, чтобы твое предсказание не сбылось, то есть чтобы мне не влюбиться в самом деле. Я впервые теперь начинаю чувствовать, что мундир мне узок в груди, – а это плохая примета для сердечного здоровья. Впрочем, я хоть и нередко вижу ее во сне, но сплю так спокойно, что еще сегодня опоздал на поездку. А на прошедшем бале, когда мне случилось сидеть против Адели за ужином, мой аппетит был в разительной противоположности с влюбленными моими взорами; и я не раз прятался за вазы с цветами, чтобы под уютною их тенью скрыть обломки пастета или остов рябчика. Я вижу, что ты, улыбаясь, произносишь уже свой приговор, будто эта склонность принадлежит к числу еженедельных офицерских страстей, которые загораются от шарканья во французском кадриле и тухнут в вихре двух или трех котильонов. Признаться, и от одного зевательного случалось мне не однажды разлюбить некоторых красавиц, на взгляд милых, как радость: не удержите иную – и, кажется, она улетит; взглянет – вы таете; отворит ли прелестный ротик свой – зажмете уши... Но такой пример не идет к Адели, – с нею, не скучая, можно провертеться около земного шара, так она умна и любезна. «Все это занимательно и прелестно, – скажешь ты, – но разве эта девица особенно благосклонна к тебе, что ты посвятился в ее рыцари? Разве?...» Сделай милость, не докучай такими вопросами; я и сам не знаю, как это сделалось, и никак не уверен в ее взаимности. Ты знаешь, до какой умертвительной холодности дошло здесь обращение, до какого утомительного единообразия доведен разговор; притом везде тысячи глаз, которые не близоруки только для критики, и столько же ушей, чтобы на полете ловить полуслова и составлять из них целые басни; а потому, подобно всем влюбленным, скажу: *мне кажется... я надеюсь*, – и только. Без сомнения, самолюбие обманывает нас часто и горько; толкует в свою пользу каждое словцо и нередко записывает на свой счет взгляды, к другому посланные; но... но или она слишком ко всем чувствительна, или я настоящий глупец, если ошибся.

S.

Письмо второе (месяц спустя)

Адель любит меня! Когда б ты, Жорж, был здесь, я бы выкупал тебя в шампанском на такой радости! Вообрази, она носит мой любимый цвет, поручила мне выбор романов для чтения и учит наизусть отмеченные мною места, и, словом, множество безделиц, видных и важных только влюбленным, изменяют ее тайне, льстя моему самолюбию. Конечно, ты можешь сказать: «Она носит твой цвет – это значит, что она любит его, а не тебя; она полагается на твой выбор в словесности, из этого я вижу, что ваши вкусы сходны; но из чего же следует, что взаимны ваши склонности?» Пусть это так, друг мой, но если б ты видел ее радость при нечаянном возврате моем из курьерской поездки, – ее румянец, изменивший внутреннему волнению, если б чувствовал прерывающееся ее дыхание – ты бы сознался, что до такой степени не достигает никакое притворство. А я примолвлю, что с той минуты она мне стала милее всех и всего дороже, и ни одна женщина, кроме ее, не будет любима мною, доколе бьется в моей груди маятник жизни. О, как часто летаю я ныне, танцуя с нею, от бального паркета за седьмое хрустальное небо. Всё, кроме ее, исчезает для меня; все мелькают перед глазами, будто китайские тени, и я в каком-то сладостном восторге дышу упоительною атмосферою. Можешь догадаться, что я не пропускаю ни одного случая танцевать с нею, – и я счастлив. Ты напрасно не любишь балов: без этой благодетельной выдумки наши девушки умерли бы от скуки посреди праздников и увеселений своих, потому что в театре у нас едва кланяются знакомым, а на вечерах прекрасный и непрекрасный пол зевают особенно. Мудрено ли же после этого, что девушки страстно любят балы и танцы как средства избавиться от скучного надзора и вечного молчания? Там одна желает блеснуть бирюзами, другая – бирюзовыми глазками, третья – показать прекрасную ножку, иная – ловкость в новом парижском па, а все – увидеть и дружески позлословить друг друга. Все довольны, любопытство удовлетворено, тщеславие находит пищу, сердце бьется сильнее, и под шумок котильона (танца, которого изобретение я ставлю наравне с паровою машиною, компасом и летанием по воздуху) речи льются, улыбки расцветают – и вот красавице снятся эполеты суженого, – а там и кольца, как в руку сон. Завтра же, не далее как завтра, буду я танцевать котильон с нею, и, прости мое ребячество... мне уже воображается, будто я собираюсь на бал, верчусь перед зеркалом, рву с нетерпением перчатки... минуты длятся, часы стоят – кажется, век не придет пора! Но вот бьет десять – я кричу: «Пошел к князю Г.», и в карете качусь, выдумывая фразы, которых не удастся высказать. Но вот приехали... подножка падает – и я прыгаю на лестницу, унизанную дремлющими лакеями, два шага – и я в передней зале, оправляю волосы, осматриваю пуговики и крючки и с трепещущим сердцем, но спокойным лицом вхожу в танцевальную залу, где музыка гремит и всё горит, всё блестит. Кланяюсь хозяйке, прошу кого-нибудь, чтобы мне указали хозяина, – и наконец даю волю глазам искать ту, которая одушевляет для меня бал и единственно для кого я ринулся в вихрь света. Взор мой перепрыгивает через перья и цветы – скользит мимо шалей и блонд, блуждает, можно сказать, в цветнике красот – и нет ее!.. Вот, кажется, ее стан, ее походка... но сердце безмолвно; это не она... но там далее... О, я ее увижу, я ее увижу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.